

УДК 1(091):82(091):141.33

Лариса Викторовна Низьева
аспирант Института философии и права УРО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: l.nizyeva@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ЭРНСТА МАХА НА КРИТИКУ ЯЗЫКА
ФРИТЦА МАУТНЕРА
(на основе частной переписки австрийских философов
и личных документов Э. Маха)**

Настоящая статья посвящена исследованию философских идей Эрнста Маха и анализу их влияния на лингвокритическую теорию, разработанную Фритцем Маутнером. Известно, что данные австрийские мыслители были знакомы лично и с 1889 г. по 1915 г., вели переписку, которая хранится в архиве института Эрнста Маха общества Фраунгофера во Фрайбурге, Германия. Письма философов друг другу, а также содержимое записных книжек и дневников Э. Маха были опубликованы только в 1982 г. Отмечается, что в Австрии на рубеже XIX–XX вв. влияние философских идей Э. Маха шагнуло далеко за пределы позитивизма и распространилось не только на критику языка и феноменологию, но и литературу, культуру, искусство. Фритц Маутнер практически не известен в современной российской философской литературе, а если и упоминается, то только применительно к самому известному философу Австрии Л. Витгенштейну. В статье представлен анализ частной переписки Э. Маха и Ф. Маутнера и материалов личных документов Э. Маха. При этом анализ показывает, каким образом философские размышления Маха повлияли на творчество Фритца Маутнера и получили дальнейшее развитие в его критике языка. В соответствии с австрийской философской традицией обоих философов объединяет критика И. Канта, «вещи-в-себе», анализ «Я».

Ключевые слова: австрийская философия, ощущения, критика языка, языковые миры, критика «вещи-в-себе», анализ «Я».

В Австрии Эрнст Мах очень известен и по праву считается влиятельным мыслителем. На рубеже XIX–XX вв. его философские воззрения настолько соответствовали умунастроению целого поколения ученых, поэтов, писателей и литературных критиков, что имя Маха стало мировоззренческим символом. Наряду с Ф. Ницше он стал «властителем дум» Венского модерна, был влиятельной политической фигурой в Австрии, его именем был назван Союз, призванный распространять передовые идеи Венского кружка в среде рабочих. Как отмечают многие исследователи, влияние философских идей Маха шагнуло далеко за пределы позитивизма и распространилось на психологию, литературу, культуру и искусство. Благодаря своей теории познания и своим размышлениям о понятиях, предложениях и правилах Эрнст Мах завладел вниманием целого ряда выдающихся философов языка и литературы.

Следует подчеркнуть, что для России само словосочетание «австрийская философия» звучит довольно непривычно. «С понятиями «немецкая философия» или «французская философия» у российского историка философии связаны достаточно однозначные, вполне определенные и

стойкие образы. Понятие «австрийская философия» такого образа в сознании не вызывает» [Черепанова 2000: 143].

В этой связи представляется особенно сложным понять, каким образом Эрнст Мах смог повлиять на такие казалось бы далекие от него сферы реальности, как критика языка и литература. Тем не менее значительное влияние Эрнста Маха как яркого представителя «типично австрийской научной философии, основанной на эмпиризме, логике и лингвистическом анализе» [Stadler 2001: 86] имело место быть. Наиболее ярким примером может служить непосредственное влияние идей Эрнста Маха на критику языка Фритца Маутнера, которое хотелось бы показать на примере частной переписки обоих мыслителей, а также материалов личных документов и записных книжек Э. Маха.

Имя австрийского журналиста, писателя и философа Фритца Маутнера является практически неизвестным в современной российской философской литературе и появилось лишь благодаря последним исследованиям Е. Черепановой и М. Соболевой, хотя «его творчество позволяет увидеть по-новому европейскую философию языка или по крайней мере прояснить истоки ряда понятий и подходов» [Черепанова 2001: 29]. М. Соболева считает, что «внимательное прочтение работ Маутнера с позиций сегодняшних знаний позволяет обнаружить, что в рамках своей «критики языка» он успел высказать соображения практически по всем ключевым проблемам философии языка: они затрагивают и теорию речевых актов, и когнитивную семантику, и герменевтику, и логику» [Соболева 2005: 97].

Ф. Маутнер оставил после себя богатое наследие как автор многочисленных статей, новелл, сатирических сочинений и нескольких художественных произведений. Роман Ф. Маутнера «Ипатия» был переведен на русский язык. Он занимался переводами прозы Эдмона Гонкура, написал монографии, посвященные Спинозе и Шопенгауэру. Наиболее известные труды Маутнера по философии языка включают «Введение в критику языка» в трех томах, «Атеизм и его история в западном мире», «Философский словарь» в двух томах.

Чаще всего Фритц Маутнер рассматривается скорее как этап развития применительно к самому признанному австрийскому философу Людвигу Витгенштейну. В «Логико-философском трактате» Витгенштейн упоминает Маутнера следующим образом: «...вся философия есть «критика языка» (правда, не в смысле Маутнера)» [Витгенштейн 2009: 7]. Таким образом, Ф. Маутнер предстает в первую очередь как объект полемики Л. Витгенштейна. Между тем самый знаменитый австрийский исследователь философии Ф. Маутнера Э. Ляйнфельнер считает, что Маутнер никогда не покидал почвы эмпирического языка и эмпирической лингвистики. И в этом смысле можно по праву считать Маутнера предшественником Витгенштейна и даже родоначальником доминирующего сегодня во всем мире такого философского направления, как аналитическая философия [Leinfellner 2000].

Существует мнение, что особую роль Ф. Маутнера в философии языка «замалчивают» в связи с тем, что «австрийская традиция критики

языка, свидетельствующая об особой региональной философской культуре и отмеченная как таковая большинством исследователей, никак не принимается во внимание в той литературе, которую может прочесть российский читатель о Л. Витгенштейне. И хотя австрийские лингвокритики упоминаются, делаются вполне определенные оговорки, что на самом-то деле идеи Витгенштейна в значительной мере сформировались под влиянием английской философии, а степень австрийского влияния сводится к минимуму» [Черепанова 2000: 227]. Причина такой односторонней интерпретации творчества прославленного австрийского философа заключается в том, что в современной философии языка наибольшее распространение получили английские исследования работ Витгенштейна.

Предметом анализа настоящей статьи являются конкретные документы – переписка Маха и Маутнера за период с 1889 г. по 1915 г., выдержки из дневников и записных книжек Эрнста Маха за период с 1870 г. по 1914 г. Указанные документы хранятся в архиве Института Эрнста Маха при германском Обществе Фраунгофера, впервые в полном объеме они были опубликованы в 1982 г. Записи в дневниках и записных книжках Э. Маха сделаны преимущественно карандашом, иногда черными чернилами, часто встречаются подчеркивания. Содержание записных книжек поражает своим многообразием: это рисунки, эскизы, таблицы с результатами опытов, графические изображения физических устройств и предметов, физические подсчеты, выдержки из лекций, названия книг, адреса, ключевые предложения для лекций, докладов и готовящихся к публикациям изданий. Во всех этих записях прослеживаются философские размышления Эрнста Маха, перекликающиеся с идеями Фритца Маутнера и получившие дальнейшее развитие в его работах.

Вопросы критики языка и то лингвокритическое настроение, которые объединяли многих австрийских философов, волновали Маха далеко не в последнюю очередь, поскольку проблема языка оказала непосредственное (скорее негативное) влияние на жизнь и судьбу мыслителя. Мах занимал должность ректора Пражского университета именно в тот период, когда произошел раскол университета по политическим причинам. Получив большинство голосов в Парламенте, чешские депутаты, помимо прочего, потребовали от правительства значительных уступок в отношении высшего образования, а именно «предоставить чехам больше кафедр, дать возможность соискания звания доцента работами, написанными исключительно по-чешски, и по всем предметам принимать экзамены на чешском языке» [Нири 1987: 81]. Чтобы спасти профессорско-преподавательский состав Пражского университета, преимущественно состоящий из богемских немцев, которые не владели чешским языком, было принято решение об основании специального отдельного чешского университета. Однако в 1880 г. было издано новое распоряжение о языке, согласно которому в Чехии и Моравии чиновники должны были отвечать на прошения на языке просителей. В результате в отставку вынуждены были подавать те чиновники, которые не говорили на чешском языке, то есть немецкоговорящие

австрийцы. Таким образом, проблема языка стала конкретно ощутимой, потому что политическая ситуация в целом регионе полностью изменилась именно из-за языка. И это была уже не просто теоретическая проблема, а конкретно политическая. Э. Мах, будучи ректором немецкого университета, невольно оказался вовлеченным в острые политические дискуссии о языке. «Очевидно, что это психологически парадоксальное положение произвело на Маха чрезвычайно гнетущее впечатление, ибо как ректор он оказался в центре этих событий» [Нири 1987: 82].

Маха и Маутнера объединяет критическая позиция по ключевым философским проблемам. Можно сказать, что лингвокритическая направленность философских изысканий Ф. Маутнера была предопределена тем фактом, что он, родившись в Чехии в еврейской семье, с детства должен был говорить по-чешски и по-немецки, на иврите и на идише. Разумеется, его не мог не занимать вопрос, какой же язык для него был родным.

Именно эта обреченность интереса к языку и сближает Маха и Маутнера, причем независимо от содержания их учений. В силу разных обстоятельств оба философа находились в одном региональном контексте многоязычия Праги, который очень сильно на них повлиял. Безусловно, Ф. Маутнер интересен не только в свете его влияния на идеи Л. Витгенштейна, но и как самостоятельный философ, продолживший в критике языка развитие австрийского философского импрессионизма, основания которого, по мнению многих исследователей, заложил Эрнст Мах в своем главном произведении «Анализ ощущений».

Маутнер называет четырех мыслителей, которые освободили его критику от связанных с языком предрассудков. Это были Ф. Ницше с его работой «О пользе и вреде истории для жизни», немецкий писатель Отто Людвиг, естествоиспытатель и философ Э. Мах и политический деятель Германии О. Бисмарк. Маутнер признается, что освободился от метафизического словесного суеверия благодаря Маху, от словесного суеверного историзма благодаря Ницше, от словесного суеверия в отношении поэтического «прекрасного языка» благодаря Отто Людвигу, от политического и юридического словесного суеверия благодаря правителю Бисмарку [Stadler 1982: 47].

В приведенной выше цитате присутствует большое противоречие: Маутнер утверждает, что на него повлияли одновременно два совершенно разных философа. С одной стороны, Мах – позитивист, а с другой, Ницше – представитель философии жизни. Французский исследователь философии и культуры в Австрии на рубеже XIX–XX вв. Жак Ле Ридер подтверждает этот факт: «Маутнер слушал курс Эрнста Маха в то время, когда тот был профессором Пражского университета, в 1869–1873 годах. Он, следовательно, как и Гофмансталь, испытал влияние одновременно Ницше и Маха» [Ле Ридер 2009: 100].

Как отмечает Е.С. Черепанова, «Ф. Маутнер понимал жизнь в полном соответствии с идеями Ф. Ницше, то есть как иррациональный поток живого, который не может быть понят разумом; соответственно история

человека и история его духовных достижений не может быть подвергнута систематическому анализу. Язык, рожденный в этом потоке жизни, сродни инстинкту, и мы должны к нему относиться, как к другим инстинктивным проявлениям» [Черепанова 2000: 236].

Неизвестно, был ли Маутнер лично знаком с Ницше или нет, но знакомство с Махом подтверждает обширная переписка. Личное знакомство Маутнера с Махом произошло в 1872 г., когда Маутнер слушал в Праге популярную лекцию Маха «Принцип сохранения работы. Истоки и корень ее». Хотя лекция посвящалась физике, она произвела на далекого от физики филолога Маутнера большое впечатление. Позже он напишет Маху: «Как ни мало разбирался я в то время в математической механике, лекция эта дала толчок, действовавший на меня десятилетиями. Потому что, когда тридцать лет спустя я прочел эту лекцию вновь, притом что совершенно забыл прочитанное в первый раз, я поразился содержащимся в ней лингвокритическим догадкам, и во мне родилась внезапная решительная убежденность, что однажды я уже впитал в себя все эти мощные формулировки» [Нири 1987: 91].

Мах и Маутнер вели переписку в течение многих лет. В одном из писем Маху Маутнер пишет, что концепцию своей работы (Критики языка) он подсознательно задумал еще 1872 и 1873 гг., когда слушал доклад Маха о сохранении работы с очень хорошими экспериментами. Тогда уже стало ясно, что критика языка должна быть теоретико-познавательной [Haller, Stadler 1988: 234].

Помимо обсуждения отдельных бытовых житейских вопросов, связанных, например, с пересылкой друг другу собственных работ или обсуждением значимых событий в жизни, переписка Маутнера и Маха свидетельствует об интенсивном обмене мнениями по поводу выхода в свет трехтомного произведения Маутнера «Введение в критику языка», на которую философ возлагал большие надежды. «Критика языка затевалась Маутнером как глобальная работа по изменению исходной познавательной позиции человека во всех сферах знания, начиная с философии и заканчивая естественнонаучными дисциплинами, с непременным выходом в сферу обыденной нравственности, в сферу практической политики, где должно было произойти свержение власти слова» [Черепанова 2008: 127].

В письме от 28 октября 1901 года Мах предсказывал Маутнеру большую славу в связи с публикацией очередного тома «Введения в критику языка». Он пишет о том, что, несомненно, эта книга революционным образом повлияет на людей, которые имеют более непосредственное чем он отношение к языкознанию и вызволит их из догматической дремоты [Heller, Stadler 1988: 233].

Маутнер держит Маха в курсе событий в отношении реакции на его труд, заявляя, что его книга очень медленно подбирается к своим кругам. Некоторые, для которых не существует границ, восприняли ее с воодушевлением, некоторые профессора (Йена, Мюнхен) отнеслись к ней в переписке с большой теплотой. Коллеги по цеху засыпают его комплимен-

тами в этическом и эстетическом смысле и выделяют в тексте основные мысли [Haller, Stadler 1988: 234]. Мах с радостью подтверждает в ответном письме, что работа Маутнера медленно, но верно оказывает свое влияние. Ученые коллеги по цеху просто неповоротливые люди привычки [Haller, Stadler 1988: 235]. Он советует Маутнеру не относить медлительность ученых на свой счет, связывая это скорее с их «неповоротливостью», чем «злонамеренностью» [Haller, Stadler 1988: 235].

Вопреки ожиданиям Маутнер как философ языка не получил того признания, на которое рассчитывал, поэтому естественно он чувствовал себя уязвленным и разочарованным из-за отсутствия желанной реакции со стороны научного сообщества по поводу его работы. В 1906 г. он пожаловался Маху, что философы молчат как прежде, поскольку они считают его книгу филологической, а филологи молчат, потому что он саботировал их кружок. Тем не менее мысли автора продолжают оказывать свое влияние на студенчество [Haller, Stadler 1988: 239].

Маутнер убежден, что язык не способен описать ощущения напрямую, потому что «мир как комплекс ощущений, будучи сказанным, в момент называния утрачивает первозданность» [Черепанова 2000: 240]. И в этом он полностью созвучен с Махом, который в 12 января 1882 г. сделал запись в своем дневнике о природе, которая являет себя *единожды* такой какая она есть. Ее элементы независимы. Мы выдумываем зависимость ради нашего удобства. Здесь мы исходим из опыта, чем больше опыта, тем меньше *причин*. Тем проще описание [Haller, Stadler 1988: 177]. Мах считает, что чем больше мы размышляем о природе, тем больше закономерностей мы ей приписываем и ее типологизируем, все дальше отдаляясь от нее.

В дневнике Маха есть запись: все можно объяснить с точки зрения физики, рассматривая ощущение как общее свойство материи. Мах предлагает избегать сложности в определении нового, появляющегося в комплексе ощущений. Ощущения чужой души просто надуманные исходя из наших ощущений, если мы таким образом ищем место в пространстве, в зрительном и тактильном поле, то это бессмысленно. Нам хочется надеяться, что мы так сможем прийти к большему пониманию. И в этом желании мы старательно соизмеряем нас с масштабом внешнего мира, а внешний мир с нашим масштабом. Рассматриваем самих себя как физические явления, которым прилагаются ощущения внешнего мира. Физиология физики [Haller, Stadler 1988: 172-174].

Убежденный в том, что исследователям нельзя допускать никаких неопределенностей [Haller, Stadler 1988: 172], Мах приходит к пониманию того, что ощущения необходимо описывать. При этом он вовсе не настаивает на примитивном анализе ощущений, понимая, что они разнообразны в зависимости от места и потому неоднородны. Неоднородное не суммируется. Если ощущение переходит от серого к белому, это означает, что мы ощущаем не сильнее, а вообще по-другому. Более сильное ощущение составляют не однородные элементы, а вообще разнородные. Но они и не суммируются [Haller, Stadler 1988: 175]. Получается, что предлагая физи-

ческие основания ощущений, Мах не считает физику наукой, достаточной для измерения любых ощущений, способной разложить более интенсивное ощущение на исчисляемые ощущения, не получается. Измерение и исчисление есть также точное описание, которое не распространяется на психическое. Здесь следует описывать совсем по-другому. И потому измерение ощущения достаточно иллюзорно [Haller, Stadler 1988: 175].

Возможно, что в поисках способа, позволяющего рассчитать психическое ощущение, Мах неоднократно упоминает в своем дневнике учение о монадах Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841), считая, что математическая психология Гербарта все еще относится к увлекательнейшей и воодушевляющей лекции [Haller, Stadler 1988: 175]. Интересно, что Эрнст Мах не упоминает имя И.Ф. Гербарта наряду с Д. Юмом и Р. Авенариусом в «Анализе ощущений», приведенная выше мысль из личного дневника Маха дает основание предположить возможное влияние Гербарта на Маха.

Гербарт – немецкий философ, психолог и педагог, был последователем Лейбница. Одним из первых он предложил использовать математические методы в психологии и первым применил выражение «математическая психология». Гербарт модифицировал термин Лейбница «апперцепция», под которой он понимал «ассимиляцию новыми представлениями старых представлений подобного типа» [Джонстон 2004: 425]. По Гербарту, основным феноменом ментальной жизни было представление, он классифицировал типы чувств и желаний в зависимости от объекта воздействия. Согласно Гербарту, представление остается даже тогда, когда уже исчезло ощущение, вызванное этим представлением. Появившись однажды, представление нерушимо. Его могут заменить в сознании другие представления, через которые оно представляется, но с помощью остаточной силы возвращается обратно в сознание и вновь возникает там. Такое предметное отношение подобно закону силы тяжести. Фактически возможно и более глубокое отношение между этими двумя принципами [Haller, Stadler 1988: 387].

Будучи прекрасным музыкантом, Гербарт разработал систему расчетов для измерения интенсивности психических влечений аналогично теории гармонических соотношений в музыке, поскольку для Гербарта гармония являла собой взаимную игру представлений. Допустив однажды, что представления могут варьироваться по своей интенсивности, можно связывать математические заключения по аналогии с теоремами механики. По всей видимости, Маха в психологии Гербарта привлекало то, что с помощью механической модели лежащей в ее основе можно исходить не из материалистических предпосылок, а из строго научно обоснованного опыта.

Мах находит понимание того, как надо описывать ощущения с помощью физики и математики. Поэтому для Маха как для естествоиспытателя особое значение приобретает язык науки и то, каким образом он устроен. Такая позиция в отношении языка сближает Маха с Витгенштейном. Маутнер не находит решения проблемы описания ощущений в теории логического языка, он не физик, не химик и не математик. Он пишет, что

если бы физик захотел создать понятие, через которое можно было бы установить с математической точностью красный цвет, то ему пришлось бы с определенной долей произвольности перебрать немислимо большое количество колебаний, подобно тому, как в музыке с той же долей произвольности правильный звук определяется через количество его колебаний. Для современного физика исчезает не только мистическое существительное *красное* из реального мира, но и пропадает адъективное впечатление из мира предметов. Остается лишь колебание, так называемое эфирное возбуждение, и его воздействие на нервную систему [Mauthner 2011: 53].

Если для Маха языка физики и математики достаточно, чтобы описать ощущения, то для Маутнера это не решает проблему передачи ощущений. Ощущения можно действительно описать количественно, но передать ощущения с помощью языка, чтобы можно было их воспроизвести в воображении другого человека во всей полноте оказывается невозможно. Философская проблема заключается в неспособности языка в полной мере, точно и в мельчайших подробностях передать те ощущения, которые испытывает человек, причем любой человек и на любом языке. Остается лишь молчать о том, о чем мы не можем говорить. То есть можно создать некое языковое поле, которое позволит человеку в его воображении увидеть, пережить или прочувствовать подобно тому, как это бывает в поэзии, те чувства и переживания, которые могут быть.

Реальность неизбежно ускользает от языка, и причина кроется в самом языке в связи с его метафорической природой. Язык является исключительно метафорическим. В этом качестве он по своей природе неясный, никто не может быть уверен до конца, что он понимает то, что ему говорит другой человек и что его самого понимают. Не только язык, но и вся культура находится в непрерывном процессе изменения. Именно в силу метафоричности язык, по мнению Маутнера, так хорошо приспособлен к поэзии, но плохо к науке и философии. Метафорическая природа языка заранее исключает всякую универсальность и таким образом делает невозможным всякого рода точное научное познание [Janik, Toulmin 1973: 128-129]. Сам термин «законы природы», по Маутнеру, есть не более чем метафора, попытка мифологического объяснения, когда Природа была персонифицирована в попытке ее постижения [Janik, Toulmin 1973: 130]. На самом деле, как считает Маутнер, нет никаких «законов», а есть только случайные феномены. Современная физика стала жертвой подобного рода мифологизации, имевшей место, когда последователи Дарвина преобразовали «эволюцию» из принципа объяснения в метафизику природы [Janik, Toulmin 1973: 130].

Мах и Маутнер по-разному осмысливают и исследуют проблему описания ощущений. Естествоиспытатель Мах находит решение в языке науки, а для Маутнера как для творческого человека и художественного критика таким языком становится язык поэзии. Однако общей точкой их взаимосвязи оказывается именно проблема реальности, проблема ощущений. Что является реальностью, что является ощущением?

Обоих философов, несомненно, объединяет критика Канта и идеалистической философии. Э. Мах выступает против кантовской философии во всех своих работах, хотя и отмечает величие немецкого философа. Будь у Канта только одна эта книга (Прологомены), он все равно навсегда остался бы великим философом [Haller, Stadler 1988: 199]. Э. Мах подвергает резкой критике центральное понятие системы Канта «вещь-в-себе», которое только препятствует реальному сенсуалистскому восприятию мира. Он считает, что таким образом нам знакомо только явление, данное в чувственном восприятии, а не вещь-в-себе, то есть только мир наших собственных ощущений. Но тогда мы все же не можем знать, что вещь-в-себе вообще существует. Нет смысла об этом говорить [Haller, Stadler 1988: 178].

Критика Маха распространяется на «Я», которое по его мнению должно погибнуть. В частной беседе, состоявшейся в Венском салоне журналистки Б. Цукеркандль, Э. Мах разъясняет свою позицию следующим образом: когда я говорю, что «Я» обречено на гибель, это означает лишь то, что «Я» существует лишь внутри прочувствованных человеком предметов, явлений, что «Я» растворяется во всем, что ощутимо, слышимо, видимо, осязаемо. Все преходяще, мимолетно; нематериальный мир состоит из одних только красок, контуров, звуков. Реальность находится в вечном движении и переливается подобно хамелеону. В этой игре феноменов кристаллизуется то, что мы обычно называем нашим «Я». С момента рождения и до самой смерти оно непрерывно меняется [Wunberg, Braakenburg 2000: 171].

В своих записных книжках Э. Мах то и дело возвращается к размышлениям по поводу «Я», анализирует его, пытается разложить на составные части. В своем дневнике он пишет, что если «Я» является реальным единством, то чем тогда будут другие «Я»? Не такими как мое «Я» внутри. Сложное противоречие, которое разрешается только при восприятии «Я» как практического единства. Различные тела, из которых только одно связанное с «Я» отличается от других» [Haller, Stadler 1988: 184].

Ф. Маутнер созвучен Э. Маху в отношении анализа «Я», он пишет о попытке в своей «Критике языка» доказать, что индивидуальное «Я» также является иллюзией, что чувство «Я» – обман. Кстати, это утверждение не так уж и ново. Оно было уже известно учению Будды [Mauthner 2012: 84]. Однако в 1912 г. Э. Мах в письме Ф. Маутнеру отрицает влияние буддизма на его взгляды, объясняя, что всегда относился к нему с большой симпатией, однако его «Анализ ощущений» возник не из буддистских побуждений, а из наивнейших соображений [Haller, Stadler 1988: 243].

Согласно Маутнеру, в языке отражается система представлений о мире, в основе этой системы лежат три когнитивные категории – существительное, прилагательное и глагол, соответствующие трем образам мира – «субстантивному», «адъективному» и «вербальному». Адъективный мир – это мир опыта, субстантивный – мир бытия, а вербальный – мир становления. Все три мира являются различными картинами одной и той же действительности, которые образуются в зависимости от того, на что направлено внимание познающего субъекта. Однако «ни один из этих представлений

ных языковых миров не может претендовать на истину, так как каждый описывает действительность однообразно и не обладает полнотой выражения» [Черепанова 2000: 246]. В своей работе «Три картины мира» Маутнер пишет, что наша система трех картин мира напрямую показывает непрочность кантовского понятия (вещи-в-себе). Ее непрочность, кстати, признавал и сам Кант в часы озарения, так для него вещь-в-себе была просто интеллигибельным предметом, неким X, которое не подлежит никакому определению. Мы добавим к этому также, что первоначальную вещь, вещь до ее осмысления человеком, вообще невозможно себе представить, поскольку она не может относиться ни к субстантивному, ни к адъективному, ни к вербальному миру, поскольку не подлежит ни мистическому, ни сенсуалистическому, ни причинному определению [Mauthner 2011: 150-151].

Таким образом, анализ частной переписки австрийских философов Фритца Маутнера и Эрнста Маха, а также материалов, содержащихся в личных дневниках и записных книжках Э. Маха, свидетельствуют о существенном влиянии философских идей Маха на лингвокритическую теорию, разработанную Маутнером. Сам Ф. Маутнер ссылается на Маха как на основной источник и главного вдохновителя для его работы над критикой языка. Не было никакой случайности в том, что однажды услышанный им доклад Маха станет для его работы решающим [Haller, Stadler 1988: 233].

Ключевым для Ф. Маутнера является то, что Э. Мах ставит вопрос о необходимости описания ощущений. В «Анализе ощущений» Мах показал, что ощущения реальны, они есть реальность, о которой можно говорить с уверенностью. Что мы ощущаем и чувствуем – это и есть сама собой разумеющаяся объективная истина. То, что мы еще додумываем, может быть истинным или ложным [Haller, Stadler 1988: 176]

Мах предложил рассматривать ощущения не только как субъективное мнение или нечто сиюминутное, но и как то, что измеряется и физически описывается. Мах проблематизирует именно вопрос, связанный с реальностью ощущений, которые значимы для познания. Маутнер как и Мах полагал, что общие понятия не отражают реальность и что от некоторых понятий (таких, как например «Я») следует отказаться.

В «Критике языка» Ф. Маутнер считает, что о таких предметах, которые не даны нам в чувственных ощущениях, а следовательно неопишутся, нужно по возможности молчать. В этом заключается суть его так называемой агностической мистики. Язык как разум никогда не соответствует действительности, как в отдельных речевых и мыслительных актах. Язык и разум среди людей есть социальные явления. Они являются одним и тем же социальным явлением, что и обычай, разве что типа правил игры. Мы так мало знаем о сверхчеловеческом философском языке, мы мало знаем (если мы оставим попытки мистики) и о чистом разуме. Критика разума должна стать критикой языка. Всякая критическая философия есть критика языка [Stadler 1982: 47].

Влияние идей Э. Маха на Ф. Маутнера можно отнести к еще одному парадоксальному явлению в австрийской философии. Даже теоретически

сложно представить, как позитивист Мах мог повлиять на мистика Маутнера. Мах относил себя скорее к физикам, чем к философам. Наиболее плодотворные годы своей работы он провел в Праге. Маутнер же был писателем, журналистом, культурным критиком, публицистом, расцвет его карьеры пришелся на годы жизни в Берлине. Философия Маха, позитивистская по духу, едва ли могла иметь что-то общее с агностической мистикой критики языка Маутнера. Тем не менее до сих пор не переведенная на русский язык переписка этих мыслителей и материалы личных документов Э. Маха, которые даже в зарубежных изданиях проанализирована не в полной мере, дают все основания для понимания особенностей развития австрийской философии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Витгенштейн Л. 2009. Логико-философский трактат / пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М.: Наука. 133 с.
- Джонстон У.М. 2004. Австрийский Ренессанс: Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1938 гг. / пер. В. Калиниченко. М.: Моск. шк. полит. исслед. 640 с.
- Ле Ридер Ж. 2009. Венский модерн и кризис идентичности. СПб.: Изд-во им. Н. Новикова. 720 с.
- Нири К. 1987. Философская мысль в Австро-Венгрии. М.: Мысль. 192 с.
- Соболева М.Е. 2005. Философия как «критика языка» в Германии. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та. 412 с.
- Черепанова Е.С. 2000. Австрийская философия как самосознание культурного региона. Екатеринбург: УрО РАН. 272 с.
- Черепанова Е.С. 2001. Австрийская критика языка: агностическая мистика Ф. Маутнера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. № 2. С. 26-49.
- Черепанова Е.С. 2008. Критика языка в философии Маутнера // Австрия как культурный центр Европы: тез. докл. Междунар. науч. симп. Екатеринбург, 13–17 мая 2008 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 127-134.
- Haller R., Stadler F. (hrsg.) 1988. Ernst Mach – Werk und Wirkung / hrsg. von Rudolf Haller u. Friedrich Stadler. Wien: Holder-Pichler-Tempsky. 540 S.
- Janik A., Toulmin S. 1973. Wittgenstein's Vienna. A Touchstone Book published by Simon and Schuster. New York. 335 p.
- Leinfellner E. 2000. Fritz Mauthners Sprachkritik [Электронный ресурс] // Electronic Journal Literatur Primär. URL: <http://www.ejournal.at/Essay/leinals.html> (дата обращения: 10.09.2014).
- Mauthner F. 2011. Die drei Bilder der Welt: Ein sprachkritischer Versuch. Hamburg: Severus. 170 S.
- Mauthner F. 2012. Die Sprache / [Nachdr. der Ausg. Frankfurt, M., Rütten & Loening, 1907]. Die Sprache / Gerald Hartung. Marburg: Metropolis. 225 S.
- Stadler F. 1982. Vom Positivismus zur "Wissenschaftlichen Weltauffassung": Am Beispiel der Wirkungsgeschichte von Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934. Wien: München: Löcker. 349 S.
- Stadler F. 2001. The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism / translated by C. Nielsen, J. Gold, T. Ernst. Wien: New York: Springer. 984 p.
- Wunberg G., Braakenburg J.J. (hrsg.) 2000. Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910 / hrsg. von Gotthart Wunberg unter Mitarbeit von Johannes J. Braakenburg. Nachdr., Bibliographisch ergänzte Ausgabe. Stuttgart: Reclam. 728 S.

Материал поступил в редколлегию 08.07.2014 г.

References

- Cherepanova E.S. *Avstrijskaja filosofija kak samosoznanie kul'turnogo regiona* [Austrian philosophy as an identity of cultural region], Ekaterinburg, UrO RAN, 2000, 272 p. (in Russ.).
- Cherepanova E.S. *Avstrijskaja kritika jazyka: agnosticheseskaja mistika F. Mauthnera* [The Austrian critique of language: agnostic mysticism of F. Mauthner], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Serija 7, Filosofija*, 2001, no 2, pp. 26-49. (in Russ.).
- Cherepanova E.S. *Kritika jazyka v filosofii Mauthnera* [A critique of language in Mauthner's philosophy], *Avstrija kak kul'turnyj centr Evropy : tez. dokl. Mezhdunar. nauch. simp. Ekaterinburg, 13–17 maja 2008 g.* Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2008, pp. 127-134. (in Russ.).
- Haller R., Stadler F. (eds.) *Ernst Mach – Werk und Wirkung* [Ernst Mach – Work and Effect], Vienna, Hölder-Pichler-Tempsky, 1988, 540 p. (in German).
- Janik A., Toulmin S. *Wittgenstein's Vienna*. A Touchstone Book published by Simon and Schuster, New York, 1973, 335 p.
- Johnston W.M. *Avstrijskij Renessans : Intellektual'naja i social'naja istorija Avstro-Vengrii 1848–1938 gg.* [The Austrian Mind: an Intellectual and Social History, 1848–1938], Moscow, Mosk. shk. polit. issled, 2004, 640 p. (in Russ.).
- Le Rider J. *Venskij modern i krizis identichnosti* [Modernity and Crises of Identity: Culture and Society in Fin-de-Siècle Vienna], St. Petersburg, Izd-vo im. N. Novikova, 2009, 720 p. (in Russ.).
- Leinfellner E. *Fritz Mauthners Sprachkritik, 2000* Language Criticism of Fritz Mauthner], *Electronic Journal Literatur Primär*, available at: <http://www.ejournal.at/Essay/leinels.html> (accessed 10 September 2014).
- Mauthner F. *Die drei Bilder der Welt : Ein sprachkritischer Versuch* [Three Images of the World: a Language Criticism Approach], Hamburg, Severus, 2011, 170 p. (in German).
- Mauthner F. *Die Sprache* [Language], G. Hartung. *Die Sprache* [Language], Marburg, Metropolis, 2012, 225 p. (in German).
- Nyiri K. *Filosofskaja mysl' v Avstro-Vengrii* [Monarchia szellemi eleterol: Filozofiatortenetit tanulmanyok], Moscow, Mysl', 1987, 192 p. (in Russ.).
- Soboleva M.E. *Filosofija kak «kritika jazyka» v Germanii* [Philosophy as a «critique of language» in Germany]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 2005, 412 p. (in Russ.).
- Stadler F. *The Vienna Circle. Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empirism*, Vienna, New York, Springer, 2001, 984 p.
- Stadler F. *Vom Positivismus zur "Wissenschaftlichen Weltauffassung": Am Beispiel der Wirkungsgeschichte von Ernst Mach in Österreich von 1895 bis 1934*, Vienna, Munich, Löcker, 1982, 349 p. (in German).
- Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], Moscow, Nauka, 2009, 133 p. (in Russ.).
- Wunberg G., Braakenburg J.J. (eds.) *Die Wiener Moderne. Literatur, Kunst und Musik zwischen 1890 und 1910* [The Vienna Modernism. Literature, Art and Music, between 1890 and 1910], repr., Stuttgart, Reclam, 2000, 728 p. (in German).

Larisa V. Nizyeva, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: l.nizyeva@mail.ru

INFLUENCE OF ERNST MACH'S IDEAS ON FRITZ MAUTHNER'S LANGUAGE CRITIQUE

(based on private correspondence of Austrian philosophers
and on E. Mach's personal documents)

Abstract: The article is dedicated to the investigation of Ernst Mach's philosophical ideas and to the analysis of their influence on Fritz Mauthner's language critique theory. It is well known that both Austrian thinkers were personally acquainted and maintained correspondence since 1889 until 1915. Their private correspondence is kept in the archives of the Fraunhofer Institute named after Ernst Mach in Freiburg, Germany. Mutual letters of the philosophers, as well

*Низьева Л.В. Влияние идей Эрнста Маха
на критику языка Фрица Маутнера*

as the records of Ernst Mach's diaries and notebooks, were published only in 1982. The author points out that at the turn of the twentieth century Mach's philosophy reflected dominating views and ideas in Austria and extended far beyond positivism, affecting not only the critique of language and phenomenology, but also culture, literature and art of that period of time. Fritz Mauthner is practically unknown in the contemporary Russian philosophical literature, and even if he is mentioned it is rather in connection to the most recognized Austrian philosopher Ludwig Wittgenstein. The article provides an analysis based on the private correspondence of E. Mach and F. Mauthner and on Ernst Mach's personal documents, which shows how Ernst Mach's philosophical reflections influenced Fritz Mauthner's oeuvre, and how they were developed in his language critique. According to Austrian philosophical tradition, both philosophers are united in the critique of I. Kant's philosophy, "thing-in-itself" and I-analysis.

Keywords: Austrian philosophy, perception, language critique, language worlds, critique of the "thing-in-itself", I-analysis.